

С.Г. Кирдина

**ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ:
В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ**

«Новый век, новое тысячелетие» — эти слова завораживают, будят воображение, активизируют рефлексию происходящего и провоцируют осознание собственной эволюции. Не случайно так настоятельно звучат в социологической среде призывы осмыслить развитие социологии как самостоятельной науки, проанализировать ее состояние в России по сравнению с общемировыми тенденциями, представить перспективы и определить теоретические рамки, которые позволят на новом уровне понять содержание современных социальных процессов. На страницах «Журнала социологии и социальной антропологии» этот запрос выражен наиболее явно. Настоящая статья является ответом на предложение редколлегии журнала участвовать «в широкой критической дискуссии в отечественной науке» [1], посвященной обсуждению названных тем.

Вновь к определению социологии как «автономной науки»

Заявленная и подчеркиваемая еще О. Контом предметная обособленность социологической науки постоянно обсуждается и осмысливается

Кирдина Светлана Георгиевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского Отделения РАН, г. Новосибирск.

Адрес: 630090, Новосибирск 90, пр. Акад. Лаврентьева, 17, ИЭиОПП СО РАН.

Тел.: (3832) 34-30-10 (Новосибирск); (095) 930-72-24 (Москва).

E-mail: kirdina@onlme.ru

учеными, относящими себя к социологам. Содержание этой проблемы каждый раз углубляется и развивается. В конце XIX в. актуальным было отделение социологии от рассмотрения влияния физиологических, биологических закономерностей на поведение индивида [2], затем актуальным стало доказательство несводимости общественных процессов не только к биологическим, но и к психологическим структурам [3]. К настоящему времени задача состоит в обособлении социологии от политологии, социальной антропологии, этнографии, культурологии и т.п.

Где границы между этими социальными науками, в чем сходство, а в чем специфика, что характеризует социологию как самостоятельную научную дисциплину? На наш взгляд, три важнейших черты обособляют социологию от смежных областей гуманитарного знания.

Во-первых, лишь социология претендует на то, чтобы рассматривать общество как целое. Это отличает ее от политологии, демографии и других наук, имеющих своим объектом ту или иную сферу социальной жизни. Предметы этих конкретных социальных наук представляют собой разнообразные проекции общественного целого, в то время как социология ставит задачей рассмотреть воспроизводство социума как единой функционирующей системы. Этот целостный взгляд реализуется и при изучении индивидов как «совокупности общественных отношений», и при рассмотрении социальной структуры, сосредотачивающей внимание исследователя на взаимосвязи социальных частей — независимо от того, понимается ли социальная структура как совокупность социальных групп, ролей и социальных учреждений, проявляющихся «на поверхности» общественной жизни, или же как механизмы и процессы, скрытые от непосредственного наблюдения, но организующие социальную жизнь. Поэтому социология избегает монокаузальных объяснений, сводящих причины траекторий общественного развития либо к экономическим причинам, либо к борьбе политических элит, либо к национальному менталитету народа и т.п.

Во-вторых, социология концентрирует свое внимание на выявлении и изучении «жесткого каркаса», скелета общества, т.е. на закономерностях социальной системы. Неслучайно авторитетный методолог общественных наук В.Г. Федотова замечает, что общества, не имеющие жестких структур и институтов [или в отношении которых эти структуры не выявлены. — С.К.], изучаются, скорее, культурологией и этнографией, а не социологией [4]. Анализ и рассмотрение таких структур — в виде ли фигураций, институтов, структурно-функциональных систем, общественных способов производства и т.д. — специфика подхода социологов к изучению общества.

Наконец, третья особенность социологии состоит в выработке таких понятий и категорий, с помощью которых можно было бы изучать разные государства в разные периоды их развития. Как пишет И. Валлерштайн, ученый историко-социологического плана «анализирует общие законы определенных систем и определенные последовательности, через которые прошли эти системы» [5, с. 136]. Другими словами, социологические концепции претендуют на роль методологии, универсального об-

щенаучного средства для комплекса социальных наук. Явно или латентно, но эта функция постоянно реализуется. Социологические концепции, понятия, язык социологии регулярно выступают одним из средств концептуализации социальных фактов в истории, антропологии, экономике, политической науке и других дисциплинах.

Стремление к такой системной универсализации отличает, в частности, социологию от культурологии, также рассматривающей общество как целое. Нельзя не согласиться с тезисом Н.И. Лапина, что социальность (как предмет социологии) и культура (как предмет культурологии) характеризуются «фундаментальной их несводимостью и невыводимостью одной из другой» [6]. Действительно социология стремится к выявлению связей, обеспечивающих функционирование общества как целого, независимо от форм их проявления в том или ином культурном контексте, но последнее составляет предмет изучения культурологов. Социология концентрируется на анализе «сухой теории» общества, а не «пышно зеленеющего дерева жизни», в то время как культурология изучает многообразные формы проявления социальных связей в конкретных обществах, системы представлений человека о материальном и символическом мире, о месте личности в нем, достижения человеческого гения в разных областях и др.

Три отмеченные черты социологии как автономной науки, обособляющей ее от прочих социальных дисциплин, а именно, *рассмотрение общества как целого, ориентация на выявление образующих его структур и универсализация понятий* — задают, соответственно, направления поиска новой парадигмы (или парадигм) социологического знания, такой парадигмы, которая бы представляла собой новый образец анализа социальной действительности.

О разрешении двух важнейших противоречий в социологии

Новые социологические парадигмы, потребность в которых осознается сегодняшним научным сообществом, призваны не только выразить и развить названные выше особенности социологических представлений, отличающие социологию от других наук. Задача состоит и в том, чтобы разрешить проблемные вопросы в самом социологическом знании, снять внутренние противоречия между главными социологическими позициями, т.е. предложить такие концепции, в которых бы преодолелось противоречие между противостоящими точками зрения.

На наш взгляд, в современной социологии таких важнейших дискуссионных вопросов, или противоречий, два. Первое касается взглядов на структурное устройство общества, а второе — соотношения двух исследовательских подходов, по-разному трактующих и анализирующих социальную структуру общества. Рассмотрим эти противоречия и попытаемся предложить способы их разрешения.

Итак, первое противоречие заключается в следующем. С одной стороны, общество рассматривается социологами как целостное образование. С другой стороны, является общепринятым выделение экономической, политической и культурной (социальной, идеологической, социокуль-

турной) сфер общества, и каждая из них, хотя и признается общественной подсистемой, уже давно изучается самостоятельно. Выражением этого, в частности, является усиливающееся размежевание экономики, политологии и культурологии, вопреки призывам объединить усилия в исследовании мировых социальных систем. В связи с этим целесообразность выделения названных сфер при социологическом взгляде на общество все чаще подвергается сомнению. Сошлемся на часто цитируемое по этому поводу высказывание И. Валлерштайна, который прямо заявляет, «что ни одна пригодная исследовательская модель не может разделить "факторы" в соответствии с экономическими, политическими или социальными категориями, иметь дело только с одним видом переменных, считая другие переменные постоянными. Мы утверждаем, что существует единый "набор правил", или единый "набор ограничений", внутри которых оперируют эти различные структуры» [5, с. 134]. Другими словами, Валлерштайн полагает необходимым отказаться от такого триединого представления об обществе как непродуктивном с эвристической точки зрения, т.е. не позволяющем глубже понять социальную реальность.

Видимо, до тех пор пока не предложено конвенциональной, то есть принятой и разделяемой большинством, социологической методологии, которая позволяла бы анализировать эти подсистемы совместно, в рамках определенного типа общества, названное противоречие останется. Попробуем включить «социологическое воображение» с тем, чтобы сделать первый шаг к преодолению этого противоречия, попытаемся предложить такое рассуждение, в котором фиксируется одновременно и единство, и триединство общества. Схематически оно представлено на рис. 1.

Рис. 1. Феномен общества в системе теоретических координат

Суть его состоит в следующем. Известные общественные сферы — экономика, политика и идеология* — не существуют обособлено. Любое социальное действие, т.е. осуществляемое субъектами общества, од-

*Подробная аргументация того, почему в качестве третьей общественной подсистемы выделяется именно идеология, см. [9].

повременно представляет собой действие экономическое (направленное на получение ресурсов жизнедеятельности), политическое (т.е. социально организованное) и идеологическое («нормируемое» системой ценностей). Выделение же названных общественных подсистем, или проекций, общества, хотя и является отражением реальности, но представляет собой сугубо научное средство и имеет, прежде всего, теоретико-методологическое значение. Аналогично тому, как размерность физического пространства представлена тремя плоскостями, или осями X, Y и Z, что позволяет определять координаты и положение любого материального тела понятным для всех образом, так и три общественные сферы представляют собой суть три умозрительные плоскости общества, характеризуют его «размерность». Такое общенаучное представление позволяет социологам «разместить» и, соответственно, проанализировать в пространстве заданных координат конкретные социальные отношения, задает общий язык для описания реальных жизненных феноменов. Важно при этом помнить, что полное описание на языке социологии предполагает проекцию исследуемого явления на каждую из выделенных плоскостей, задающих размерность общества — экономическую, политическую и идеологическую.

На наш взгляд, такое представление общества в трехмерном социальном пространстве позволяет снять противоречие в понимании общества как единого целого и как совокупности трех подсистем.

Другим важнейшим противоречием, или «камнем преткновения» во взаимопонимании между социологами, часто выступает соотношение двух подходов в описании общества как целостного феномена. При одном подходе общество понимается как устойчивая социальная система, макроинституциональная структура, существование которой безотносительно поведения конкретных социальных индивидов и групп в данный момент времени, или — что означает то же самое — которая постоянно складывается единообразным образом независимо от того, как и какие бы социальные субъекты не взаимодействовали между собой. При другом, альтернативном, подходе, общество рассматривается, прежде всего, как социально-групповая структура, и само его существование представляет собой не что иное, как взаимодействие между этими социальными группами. Особенности этого взаимодействия, установки участников, их интересы, специфика поведения задают тип общества, а потому именно субъекты, или акторы социального действия, являются основным объектом изучения.

Даже если эти подходы не противостоят друг другу как взаимоисключающие, они порождают неразрешимую исследовательскую дилемму о том, как изучать связи между системной (институциональной) и социально-групповой структурами общества, те связи, которые, как принято считать, существуют. Однако, проанализировав предпринимаемые попытки выделения и изучения такого рода связей, можно увидеть, что, по сути, авторы каждый раз остаются в рамках одного из двух подходов, т.е. не используют альтернативное понимание структуры общества, а следовательно, и не занимаются ее рассмотрением. Иллюстрацией этого положения может служить развиваемая в рамках социально-группового под-

хода известная концепция П. Бергера и Т. Лукмана о хабиитуализации (опривычивании) как основе процессов институционализации [7]. Авторы при этом априори исходят из пластичности институтов, а институциональная среда понимается ими как сконструированная человеком в определенных материальных условиях социальная реальность. Другими словами, институты представляются ими как один из элементов — в данном случае результат — социально-групповой деятельности, а не как существующая независимо системная организация общества как такового, что свойственно представителям альтернативного подхода.

Так в каком же соотношении находятся институциональная структура (понимаемая не как организационно-правовая среда, но как глубинная система социальных отношений) и социально-групповая структура общества? Можно ли говорить о наличии связей между ними? Почему не удается их проанализировать?

На наш взгляд, в данном случае имеет место ситуация, аналогичная ситуации в физической науке времен дискуссий о природе света в первой половине XX в. Сторонники одной точки зрения полагали, что свет представляет собой частицу, а другие — волну, при этом обе группы ученых опирались на строгие данные экспериментов, подтверждавших соответствующую точку зрения. Итогом дискуссии стало открытие Н. Бором принципа дополнительности, что привело к возникновению корпускулярно-волновой теории света. «Дополнительность, — писал Бор, — мы понимаем в том смысле, что оба аспекта (свет как волна и свет как частица) отражают одинаково важные свойства световых явлений, причем эти свойства не могут вступать в явное противоречие друг с другом» [8, с. 18]. Существенным является указание Бора на то, что «в понятии дополнительности мы имеем дело с рациональным развитием наших способностей классифицировать и понимать новые факты, которые по своему характеру не находят себе места **в рамках причинного описания**» [8, с. 43, выделено мной. — С.К.].

Мы полагаем, что сегодня в социологии также можно констатировать действие принципа дополнительности в анализе «институционально-групповой» структуры общества. В этом случае снимается «вечный вопрос» о причинных связях между этими структурами, они рассматриваются как дополняющие друг друга в более полном познании свойств исследуемого объекта — общества, как знания, получаемые в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Такое понимание, если оно будет поддержано, позволит, по нашему мнению, сконцентрировать внимание исследователей на более глубоком изучении той или иной структур, снять ненужное противостояние между представителями разных подходов и сэкономить научные силы, не тратя их на поиск доказательств и аргументов для споров, в которых вряд ли может быть достигнута истина.

Основные положения теории институциональных матриц

Итак, мы полагаем, что направление поисков новой парадигмы социологических исследований определяется, с одной стороны, особенностями социологии как «автономной науки», с другой стороны, в ходе

преодоления, снятия ее внутренних теоретико-методологических проблем и противоречий. Предлагаемая вниманию читателей журнала авторская концепция, или теория, институциональных матриц [подробнее см. 9], стремится соответствовать этим требованиям. В какой мере это удастся, судить аудитории.

Разработка концепции институциональных матриц продолжает традиции Новосибирской экономико-социологической школы, основанной академиком Т. Заславской, и ведется в рамках структурно-системного, или институционального, подхода. В последние годы теоретические изыскания на основе институционального подхода получают широкое распространение в мировой и отечественной науке, и не только в социологии. Можно предположить, что институционализм станет одной из основных методологий в экономических и социальных науках XXI в., поскольку он дает более глубокий взгляд на устройство общества, позволяет понять скрытые механизмы и прогнозировать траектории социального развития современных государств. Неслучайно Нобелевские премии по экономике в последнее десятилетие получили трое ученых, развивающих институциональный подход (Р. Коуз в 1991 г., Д. Норт и Р. Фогель в 1993 г.).

Центральным понятием в теории институциональных матриц является понятие базового института. Базовые институты трактуются как глубинные, исторически устойчивые основы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальной структуры в разных типах обществ. В данном случае институты понимаются как определенные исторические инварианты, которые позволяют обществу развиваться, сохраняя свою самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции, существующие независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов.

Устойчивая, исторически складывающаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем — экономической, политической и идеологической, — представляет собой институциональную матрицу. Образующие ее базовые институты формируют своеобразную внутреннюю арматуру, жесткую структуру, обеспечивающую функционирование общества как целостного образования. Схематически институциональная матрица пред-

Рис. 2. Схематическое представление институциональной матрицы

Если использовать вышеприведенную логику социологического представления общества в трехмерном пространстве экономики, политики и идеологии (рис. 1), то институциональная матрица, собственно, и представляет собой исходную, первичную социологическую модель общества, она задает его природу, его специфику, воспроизводящуюся в ходе исторической эволюции. Институциональная матрица лежит в основе меняющихся эмпирических состояний конкретных обществ и постоянно воспроизводится в тех или иных постоянно развивающихся институциональных формах.

Имеет ли каждое общество уникальную матрицу или можно выделить несколько их типов, как, например, цивилизаций, или она едина, и разные общества отличаются лишь стадиями общественного развития, воспроизводя одну и ту же матрицу?

Исходя из понимания сущности базовых институтов и фактической истории древних и современных государств, в теории доказывается наличие двух институциональных матриц, в агрегированной форме концентрирующих разнообразие общественной жизни. Такие матрицы условно названы X- и Y-матрицами (или **восточными** и **западными**), а их специфика отражена на рис. 3. Матрицы отличаются содержанием, качеством образующих их базовых экономических, политических и идеологических институтов.

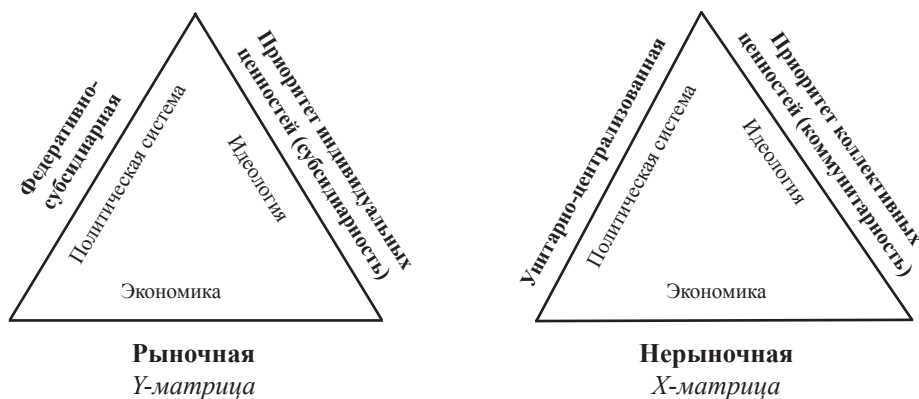

Рис. 3. Различие Y-(западной) и X-(восточной) институциональных матриц

Для X-матрицы характерны: 1) институты нерыночной экономики*, 2) унитарно-централизованное политическое устройство и 3) доминирование коммунитарных ценностей. Такая матрица определяет природу общества в России, большинстве стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и др.

* Недостаточно еще исследованный феномен нерыночных экономик разные авторы обозначают неодинаково. Например, К. Поланьи [10] называл такие экономики редистрибутивными (redistribution economy), В. Ойкен — централизованно-управляемыми [11], О.Э. Бессонова называет их раздаточными [12, 13].

Для Y-матрицы характерны: 1) институты *рыночной* экономики, 2) *федеративное* (или федеративно-субсидиарное) политическое устройство и 3) доминирование индивидуальных ценностей, или *субсидиарность*. Такая матрица свойственна, прежде всего, так называемому «западному миру» — европейским странам, США и др.

Тип формирующейся институциональной матрицы определяется спецификой материально-технологической среды, т.е. внешних условий, в которых складываются и существуют конкретные государства. Эта среда, представленная сначала лишь природными и географическими условиями, а затем развиваемой на территории государства производственной и социальной инфраструктурой, может быть **коммунальной** или **некоммунальной** [подробнее см. 14]. Впервые термин «коммунальность/некоммунальность» в приведенном ниже значении введен и определен в 1996 г. [15, с. 22–24].

Коммунальная среда требует объединения общественных усилий для своего использования, общих форм собственности и единого централизованного управления. Это приводит, в конечном счете, к складыванию институтов, характерных для восточной институциональной X-матрицы. Примером коммунальной среды служат коллективные системы земледелия, ирригационные системы, единые энергетические системы, централизованные коммуникации теплоснабжения, системы заливного рисоводства и т.д.

Некоммунальная среда не требует объединения усилий больших групп людей и может обеспечивать социально-экономическое воспроизводство отдельных групп или семей при индивидуальном использовании. Такая среда представлена обособленными фермерскими участками, автономными системами жизнеобеспечения и т.д. В этом случае формируются институты, характерные для западной институциональной Y-матрицы.

Содержание различающихся базовых экономических институтов, свойственных X- и Y-матрицам, показано на схеме 1. Выделение базовых институтов рыночных экономик опирается на известные учебники по *ecotomics* для студентов экономических факультетов и специальностей всех стран. Содержание базовых институтов нерыночных экономик определено исходя из разработок О.Э. Бессоновой — автора институциональной теории хозяйственного развития России, или теории раздаточной экономики [12; 13].

Характеристика политических базовых институтов, соответствующих институциональным X- и Y-матрицам, представлена на схеме 2. Выделение этих институтов опирается на авторские разработки 1997 – 1999 гг. по политической истории России и ряда зарубежных стран [см., например, 16].

Выделенные базовые экономические, политические и идеологические институты устойчивы и постоянны, в то время как **институциональные формы**, в которых эти институты проявляются на разных этапах исторического развития того или иного конкретного общества, непрерывно развиваются и совершенствуются. В отличие от базовых институтов институциональные формы мобильны, изменчивы, постоянно развиваются, отражая и сохраняя, тем не менее, природу базового института.

Схема 1. Базовые институты в нерыночных (раздаточных) и рыночных экономиках

Схема 2. Базовые институты в унитарно-централизованной и федеративно-субсидиарной политических системах.

Так, институт частной собственности, характерный для стран с западной Y-матрицей, воплощался ранее в нормах Римского права, сейчас он закреплен в процедурах контрактов. Но его суть, главное содержание неизменны — определение правил взаимодействия между *обособленными* хозяйствующими субъектами.

Или, например, идеологический институт коммунитарности, характерный для стран с восточной X-матрицей, в том числе и России, на заре отечественной истории воплощался в идее единства земли Русской, затем в православной идее коллективного спасения, потом в коммунистической идеологии, сейчас он может быть реализован в идее субсидиарного государства. Суть же его, независимо от доктринальных форм, которые менялись и развивались на протяжении нашей истории, остается прежней — обоснование приоритета коллективных, общегосударственных ценностей по отношению к ценностям индивидуальным, личным.

На основе анализа значительного эмпирического материала в теории институциональных матриц постулируется **принцип доминантности** базовых институтов. Он предполагает, что в обществах, характеризующихся тем или иным типом институциональной матрицы, одновременно с *основными* действуют и *дополнительные, альтернативные* по отношению к ним институты, из матрицы противоположного типа. Но действие этих альтернативных институтов имеет менее распространенный, дополнительный характер, они компенсируют издержки основных базовых институтов, обеспечивают необходимое социальное равновесие, но действуют в задаваемых основными институтами социальных рамках.

Например, при доминировании в России института общей собственности, выражавшемся на разных этапах в соответствующих исторических формах — княжеской, монаршей, казенной, общенародной советской, а затем федеральной, региональной и т.д. — постоянно действуют формы частной собственности — индивидуальное предпринимательство, частные акционерные общества, рыночная торговля и т.д. Но последние, как показывает опыт истории, имеют лишь дополнительный характер, действуют в условиях господства базовых институтов и ограничиваются задаваемыми ими рамками.

Аналогично, при доминировании института частной собственности в странах с западной Y-матрицей, те или иные формы обобществления — государственное регулирование, национализация предприятий и т.д. — всегда имеют дополнительный характер. В зависимости от особенностей того или иного периода истории они получают большее или меньшее распространение, но никогда не отменяют господства основного базового института частной собственности в таких государствах.

Развитие основных институтов осуществляется, как правило, естественным путем, спонтанно, и ведет в пределе к разрушительным последствиям. Развитие же альтернативных институтов требует направленной и сознательной общественной деятельности, целью которой является снижение рисков и разрушительных следствий стихийного действия основных институтов.

Нарушение необходимого баланса между основными и дополнительными институтами приводит к замедлению темпов социально-экономического развития государств. Такие нарушения, с одной стороны, могут обуславливаться тотальным господством основных институтов, некомпенсируемых действием внедряемых обществом альтернативных институциональных форм (например, советский период в истории России или период накануне Великого кризиса 1929—1933 гг. в США). С другой стороны, нарушение институционального баланса возникает и при попытках слишком агрессивного, избыточного внедрения в социальную практику альтернативных институциональных форм без учета принципа доминирования базовых институтов, свойственных природе институциональной матрицы общества. Такие ситуации имели место в истории России и Франции накануне известных революций.

Постоянная циркуляция тех или иных институциональных форм между государствами с разным типом институциональных матриц имеет **неоднородный характер**. Если общество находится в кризисе, то резко возрастает заимствование альтернативных институциональных форм из социальной практики государств с иной институциональной матрицей. Известными иллюстрациями этого положения служат история США в период «Нового курса» Рузвельта или современная трансформация российского общества. И в том и в другом случае неблагоприятные последствия, вызванные тотальным доминированием базовых институтов, преодолевались путем активного внедрения дополнительных, альтернативных институциональных форм. В США это выражалось в развитии элементов управления, характерных для единой собственности, — регулировании занятости, централизации финансовых потоков и т.д. В современной России аналогичный, по сути, процесс связан с массовым внедрением в нашу социальную практику различных институциональных форм, свойственных современному западному обществу. В экономической сфере это означает развитие рыночных отношений, в политической сфере — рост федеративных начал, выборы на альтернативной основе, многопартийность и т.д., в идеологической сфере — акцентацию прав личности, движение к большей индивидуальной свободе.

Разработка и верификация теории институциональных матриц, основные положения которой представлены в настоящей статье, находится на начальном этапе. Готовится к выпуску в первом квартале 2001 г. второе, существенно расширенное и уточненное издание книги автора «Институциональных матрицы и развитие России». Стоят задачи по разработке методических процедур, позволяющих проводить измерения институционального равновесия и строить прогнозы траекторий социального развития. Но уже сейчас, на наш взгляд, на основе предложенной теории можно осознанно судить о границах устойчивости и перспективах изменчивости социальных структур, реформируемых в странах с тем или иным типом институциональной матрицы. По-видимому, на новом витке человеческого развития опять настает время сознательного отказа от социальных утопий, полагающих возможным изменить природу общества

по заданному образцу. От подобной идеи в свое время отказались биологи, проводившие до этого бесконечные эксперименты по кардинальному изменению свойств растений, может, пора понять и признать незыблемость важнейших общественных структур и в социальных науках?

Заключение

Потребность в обновлении парадигмы, необходимость построения новых теоретических рамок социальных исследований на протяжении последних лет постоянно артикулируется в социологическом научном сообществе. В странах бывшего СССР настоятельность этого диктуется рядом дополнительных факторов:

— во-первых, крахом методологических концепций, использовавшихся для анализа социалистического доперестроечного общества, базировавшихся на положениях марксизма-ленинизма;

— во-вторых, резким изменением социальной реальности, означающем существенную трансформацию российского общества;

— в-третьих, все более осознаваемой неадекватностью заимствуемых методологических концепций и содержательных понятий, разработанных мировой, прежде всего западной, наукой, для понимания происходящих в стране процессов.

Как пишет на страницах «Журнала социологии и социальной антропологии» Н. Покровский, в современной России речь идет «о чем-то совершенно новом и не укладывающемся в известные образцы, о качественно иной композиции общества, о превращенной системе координат» [17]. Так ли это? Признав «неукладываемость в известные образцы», мы откажемся от претензии на научное исследование российского общества. Ведь уникальное не может быть предметом науки, ему можно только дивиться. Наука начинается там, где реализуются закономерности, действуют общие правила, проявляются законы. Поэтому в современной российской социологии и смежных науках активизировались попытки выдвижения разнообразных теоретических концепций, которые бы описывали содержание и причины трансформационных процессов в России с точки зрения тех или иных общих закономерностей и представлений. В культурологии, например, одной из наиболее фундаментальных попыток такого рода является теория социокультурной динамики А.С. Ахиезера [18]. Тезисно изложенная в статье авторская теория институциональных матриц представляет собой аналогичную попытку в социологии и предлагает макросоциологическую гипотезу, формирующую свой набор понятий и категорий для понимания и объяснения процессов развития России и других стран.

В современной ситуации российские обществоведы, по нашему мнению, имеют реальный шанс предложить такие научные концепции, которые, в отличие от западных теорий, будут иметь более универсалистский характер и смогут послужить парадигмами для исследования большинства типов обществ. Это связано с уникальным сочетанием двух факторов, особенно ярко проявившихся в последнее время. Что же это за факторы?

С одной стороны, обучение экономистов, социологов, политэкономов и других представителей социальных наук в нашей стране осуществлялось преимущественно на основе глубокого изучения образцов западной социологической мысли и реального устройства так называемого капиталистического общества. Если до перестройки такими образцами были в основном труды К. Маркса и Ф. Энгельса, то в последнее десятилетие доступными для изучения и анализа стали практически все классики социологии и современные корифеи западной социальной мысли. Это означает, что нам сравнительно хорошо известно устройство современных западных обществ, а также наиболее важные теории, объясняющие особенности их исторического развития.

С другой стороны, наши ученые, в отличие от западных коллег, живут в качественно иных социальных условиях. Сравнение окружающей реальности с предлагаемыми западной наукой способами ее описания в большинстве случаев выявляет неадекватность заимствуемого научного языка для полноценного объяснения происходящих процессов. И в то же время в «поры и кровь» неангажированного ученого входит реальное знание о специфике природы нашей социальной среды.

Таким образом, налицо исходные предпосылки создания социологических теорий, в которых бы агрегировались знания о двух типах разных обществ, т.е. теорий, в которых бы достигалась глобальная универсальность социологии, что составляет содержание современного этапа развития этой науки. Если попытаться ответить на далеко не праздный вопрос В.Г. Федотовой «Как возможна социология в России и других незападных странах?» [4, с. 7], то ответ заключается в следующем: она возможна путем разработки социологических концепций с универсальным набором понятий, равно применимых для анализа западного, японского, латиноамериканского, российского и других не сопоставлявшихся ранее в одном аналитическом ряду обществ.

Двуглавый орел на российском гербе, одновременно смотрящий на Запад и Восток — не здесь ли символика и настоятельность построения именно в нашей стране общесоциологических концепций, формирующих парадигму мировой науки западных и восточных стран?

Литература

1. Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 5.
2. Comte A. Cours de Philosophie Positive. Paris, 1907. Vol. 1.
3. Элиас Н. Социология как относительно автономная наука / Пер. с нем. Р.Е. Гергилова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3.
4. Федотова В.Г. Как возможна социология в России и других незападных странах? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 15.
5. Валлерштайн И. Анализ мировых систем: Современное системное видение мирового общества // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований / Под ред. С.И. Григорьевой, Ж. Коэнен-Хуттера. М: Интеллект, 1998.
6. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: Либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 32.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995 (1966).

8. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
9. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М: ТЕИС, 2000.
10. Polanyi K. The Livelihood of Man. N. Y.: Academic Press, Inc. 1977.
11. Ойкен В. Основы национальной экономики / Пер. с нем.; Общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херманн-Пилата. М: Экономика, 1996.
12. Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997.
13. Бессонова О.Э. Теория раздаточной экономики — новый взгляд на хозяйственное развитие России // Общество и экономика. 1999. № 8–9.
14. Кирдина С. Г. Экономические институты России: Материально-технологические предпосылки развития // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 36–45.
15. Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.
16. Кирдина С.Г. Политические институты регионального взаимодействия: Пределы трансформации // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
17. Покровский Н.Е. Неизбежность странного мира: Включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 21.
18. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Т. 1: От прошлого к будущему. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.